

Генрих Курицкес

Биография

Таллинн, Эстония

Дата интервью: июнь 2005

Интервьюер: Элла Левицкая

Оригинальный русский текст интервью любезно предоставлен Эллой Левицкой.

Значение ссылок, помеченных номерами, см. в английском тексте интервью.

Интервью с Генрихом Курицкесом я проводила у него дома. Живет семья Курицкес в новом районе Таллинна, в красивом 9этажном доме. У них 2комнатная квартира. Сразу же бросается в глаза обилие книг и комнатных цветов. Генрих и его жена Мирьям живут вдвоем, их дочь с семьей живет в Вильнюсе, сын – в Израиле. Генрих среднего роста, заметна военная выправка. У него коротко остриженные волосы, темные с сединой, и яркие темные глаза. Генрих – очень интересный собеседник. Он и его жена Мирьям, очаровательная миниатюрная женщина с коротко подстриженными седыми волосами и удивительно яркими коричневыми глазами – очень дружная пара, понимающая друг друга с полуслова. Они оба очень гостеприимны и приветливы, и во время интервью у меня было ощущение, что я знакома с ними долгое время. Теперь у меня дома растет комнатный клен, их подарок, и глядя на него, я с нежностью вспоминаю этих чудесных людей.

Семья моего отца жила в эстонском городе Нарве. В то время Эстония входила в состав Российской империи под названием Эстляндия. Нарва находится на границе с Россией, и большинство населения города говорило по-русски. В семье отца в ходу были два языка, идиш и русский.

Дедушку по отцу звали [common name] [1] Ефим Курицкес. Конечно, у него было еврейское имя, по-видимому, Хаим. Бабушку звали Мирьям, ее девичьей фамилии я не знаю. Оба они были уроженцами Эстонии, но точное место рождения дедушки и бабушки мне неизвестно. О дедушке я почти ничего не знаю, а бабушку я застал в живых и хорошо помню. Я не знаю, кем и где работал дедушка. У бабушки было собственное дело, она торговала бумагой. Бабушка ходила по магазинам, конторам, предлагала им свой товар, принимала заказы. У бабушки был помощник, который на тачке развозил бумагу заказчикам. Конечно, разбогатеть на этом нельзя было, но благодаря бабушке, семья жила вполне обеспеченно.

В семье родителей отца было трое детей. Старшую сестру звали Рая, вторым был мой отец Лазарь, по-еврейски Лейзер, родившийся в 1894 году. Сестра отца Роза была младшей из детей.

Родители отца не были ортодоксальными евреями, но всех еврейских традиций в семье придерживались. В то время нельзя было себе представить еврейскую семью, где бы не отмечали Шабат и еврейские праздники, не воспитывали детей евреями. Дедушка и бабушка ходили в синагогу в Шабат и в дни еврейских праздников.

Я не знаю, какое образование получили сестры отца. Отец после окончания русской общеобразовательной школы уехал в Вильнюс [Before World War II Vilnius was a center of Yiddish culture in Eastern Europe. Before 1934 there were 54.6 thousand Jews. In 1939, when Germany started a war against Poland, Jewish refugees came to Lithuania. According to the statistics there were 60-70 thousand Jews in Vilnius that year. There were over 100 synagogues in Vilnius, educational and prayer institutions, a charity fund, professional guilds, a Jewish hospital, an elderly people's home, a charity children's fund, a Jewish public school, a Jewish theater and choirs, a health organization, a labor association, few schools and gymnasiums teaching in Yiddish and Hebrew. There were many Jewish craftsmen. They were hat makers, tailors, bronze workers, leather men, etc.], где жила какая-то дальняя родня, и поступил на факультет фармакологии Вильнюсского университета. Тогда, в царское время, в России была норма приема евреев в высшие учебные заведения, 5% от общего числа студентов. Но отцу посчастливилось попасть в число этих 5% еврейских студентов. Во время учебы отец жил у родственников. О студенческих годах отца я ничего не знаю. После окончания университета отец вернулся в Нарву, но не смог найти себе там работу. Отец переехал в Таллинн, но и там не смог устроиться на работу

по специальности. В существовавших аптеках мест не было, а открыть свою аптеку отец не мог, для этого нужны были большие деньги. Отчаявшись найти себе работу по специальности, отец стал работать экспедитором на нескольких фабриках. Он развозил на автомобиле их товары по магазинам на всей территории Эстонии.

Обе сестры отца вышли замуж. К сожалению, я не помню фамилии Раи в замужестве. Муж Розы был из очень богатой еврейской семьи Кломпус. Конечно, мужья Раи и Розы были евреями, иначе в то время не могло. У обеих были традиционные еврейские свадьбы. Мужья обеих сестер жили в Тарту, и обе они после замужества переехали к мужьям. У старшей сестры отца Раи родилась дочь Геня. У Розы был единственный сын Анатолий. Судьбы их сложились по-разному. Рая во время WW2 была эвакуирована, и после окончания войны вернулась с семьей в Тарту. Сейчас никого из них уже нет в живых. Рая умерла в 1970х годах, ее дочь – в конце 1990х. Они похоронены на еврейском кладбище в Тарту. О судьбе младшей сестры отца Розе я расскажу дальше.

Когда отец переехал в Таллинн, а обе дочери были уже замужем, дедушка и бабушка остались одни. Вскоре они переехали в Таллинн к отцу. Дедушка умер в 1920 году в Таллинне. Его похоронили на еврейском кладбище в Таллинне по еврейскому обряду. Бабушка умерла в конце 1930х годов. Она похоронена рядом с дедушкой.

Семья моей мамы жила в Таллинне. Моего дедушку по материнской линии звали Янкл Шульклепер, бабушку – Хана. Девичьей фамилии бабушки я не знаю. Я не знаю, откуда родом дедушка и бабушка¹, но все их дети родились в Таллинне. Самым старшим из них был мамин брат Маркус Шульклепер. В семье его называли Максом. Вторым был Абрам, потом родились Иосиф и Давид. После братьев родилась старшая сестра мамы Полина. Последним ребенком была моя мама Ревека, родившаяся в 1896 году.

Своего жилья у дедушки и бабушки не было. Они снимали верхний этаж 2этажного частного дома, принадлежавшего еврейской семье Шуман. Я хорошо знал эту семью. Доктор Мойше Шуман был нашим семейным врачом. С ним жили две его незамужних сестры.

Семья мамы, как все еврейские семьи, была религиозной. Дома соблюдались еврейские традиции, отмечали Шабат и еврейские праздники. Конечно, у всех маминых братьев была Бармицва. По праздникам дедушка и бабушка брали с собой в синагогу детей. Дома между собой разговаривали на идиш. Все члены семьи хорошо знали немецкий и русский языки.

Я не знаю, где работал дедушка. Он умер задолго до моего рождения. Бабушку я, к сожалению, не помню. Она умерла в 1926 году, когда мне было полтора года. Оба они похоронены на еврейском кладбище в Таллинне.

Все мамины братья и сестра получили светское образование. Моя мама окончила русскую Беляевскую гимназию в Таллинне. Я не знаю, почему мамины родители выбрали именно русскую гимназию. Полный курс гимназии

¹ Дедушка родом из Шавли (Siauliai), Литва. [MP].

был 11 классов. Гимназия давала хорошие, прочные знания. Моя мама до конца жизни свободно владела немецким языком, легко читала по-французски.

Самый старший из маминых братьев. Маркус, женился на еврейской девушке Таубе. У них было две дочери: Дора, родившаяся в 1909 году, и Мирра, 1916 года рождения. Маркус занимался коммерцией, его жена была домашней хозяйкой. Вместе с Маркусом работал его брат Иосиф. Иосиф был женат, ее имени я не помню. Их дочь Стерма родилась в конце 1910х годов. У Абрама был текстильный магазин. Не знаю, по какой причине в конце 1920х годов Абрам обанкротился. Видимо, ему было тяжело перенести банкротство, и в начале 1930х годов он умер. Жены и детей Абрама я не помню. Младшего из братьев мамы, Давида, я не знал: он умер еще до моего рождения. Сестра мамы Полина вышла замуж за польского еврея по фамилии Вигура и уехала с мужем в польский город Катовице. Конечно, женились и выходили замуж тогда только за евреев. У всех братьев мамы и у ее сестры были традиционные еврейские свадьбы, иначе и быть не могло.

Мои родители познакомились после переезда отца в Таллинн. Это не было знакомство по сватовству, они познакомились в какой-то компании. В 1922 году они поженились. Естественно, у них была традиционная еврейская свадьба. У местных евреев иначе не бывало. Свадьба могла быть богатой или скромной, но хупа, ктуба из местной синагоги были обязательно. Религия в те времена в еврейских семьях была органической частью их жизни.

В Таллинне была большая еврейская община. Было много богатых евреев, крупных коммерсантов, владельцев магазинов. Они давали заметные суммы на благотворительность. Были и евреи-ремесленники – жестянщики, парикмахеры, портные. Много было евреев среди таллиннской интеллигенции – юристы, врачи, учителя. Когда Эстония стала независимой [3], была создана первая Эстонская республика [4], уже не было процентной нормы для поступления евреев в высшие учебные заведения, которая существовала в царской России. Высшее образование стало доступным для евреев. Гордостью общины была таллиннская синагога [5]. Она была построена в конце XIX века, была очень красивой.

В Таллинне евреи не жили кучно. Не было понятий – еврейский квартал, еврейская улица. Дома евреев и неевреев стояли вперемешку. Это определялось только материальным уровнем хозяина дома. В центре земля была дорогой, на окраинах – дешевле.

Евреи в Эстонии не испытывали антисемитизма. В 1926 году была создана Еврейская культурная автономия [6], которая давала евреям большие права. В Таллинне были различные еврейские организации, в том числе женская сионистская организация WIZO [7], детские и молодежные сионистские организации Бетар [8] и Хашомер Хацаир [9], спортивный клуб Маккаби [10], литературно-драматическое общество имени Хаима-Нахмана Бялика [11], и другие. Евреи чувствовали себя совершенно свободно.

После женитьбы родители сняли квартиру в центре города, на Тарту манте, в доме, принадлежавшем еврею Свитгауэру. Там они прожили некоторое время. Отец работал, мама занималась домашним хозяйством. В 1924 году родился я, единственный ребенок в семье. Мне дали имя Генрих. Вскоре после моего

рождения родители переехали на улицу Рава, недалеко от дома, где жили мамы родители. Там мы прожили до тех пор, пока городские власти не решили строить на месте этого дома помещение для пожарной команды. Дом был предназначен на снос, и родители сняли квартиру недалеко от этого дома. В этой квартире мы прожили до самого начала ВОВ [12].

Дома у нас разговаривали на двух языках, на идиш и по-русски. Со мной в основном говорили по-русски, но я быстро научился и языку идиш. Дети ведь очень восприимчивы к языкам.

Вызу 1931. Спереди справа налево: С. Шулклепер, С. Павловский (Шулклепер), Г. Курицкес, С. Муршак (Амитан), Мира Шампал (Шулклепер), С. Рыбак, ?, Р. Трапидо (Амитан), ...

Недалеко от нашего дома была еврейская гимназия [13], где все предметы преподавали на иврите. Отец хотел, чтобы я учился в этой гимназии. Но когда мне исполнилось 6 лет, я тяжело заболел. У меня было воспаление уха, и оно осложнилось заражением крови. Тогда же не было антибиотиков, и лечить это было очень трудно. Но врачам удалось меня вылечить. Из-за того, что я много времени провел в больнице, я не смог пойти еврейский детский сад, где изучали основы иврита. Поскольку иврита я не знал, директор еврейской гимназии отказался принять меня в иврит-класс, и предложил, чтобы отец записал меня в идиш-класс, там и такой был. Идиш я знал хорошо, но отец не захотел. Может быть, обучение в классе идиш ассоциировалось у отца с идишистами [14], к которым он относился неодобрительно. Меня отдали в частную русскую гимназию. Когда я учился во 2 классе, мама устроилась работать бухгалтером в какой-то конторе. В русской школе я проучился только 4 года. Потом эстонские власти издали постановление, по которому дети не эстонского происхождения могут учиться либо на своем родном языке, либо в эстонской школе. Учиться в русской школе мне уже нельзя было. Тогда родители отдали меня в частный английский колледж. Плата за обучение была там высокая, но они хотели дать мне хорошее образование. Это была

эстонская школа с углубленным изучением английского языка. Был и второй иностранный язык, немецкий. Обучение в колледже было совместным, мальчики и девочки учились вместе. В этот колледж перешли еще несколько человек из моего класса, все дети состоятельных родителей. Часть девочек, которые учились со мной, перешли в частную женскую эстонскую гимназию. Хотя мы все учились в разных школах, я продолжал встречаться со своими друзьями.

L. Epstein

?

?

?

H. Rybak

K. Kamascher

H. Kurizkes

В колледже была своя школьная форма: серые костюмы и светлые рубашки. Форму ученикам шили на заказ. Детей из бедных семей, которые учились бы за счет благотворительности, в колледже не было. Учились там только дети из состоятельных семей. И евреев среди учеников было немало. Но никогда от учеников-эстонцев никто из нас не слышал никаких антисемитских высказываний, не было этого. Относились в школе к евреям уважительно. Перед еврейскими праздниками классная руководительница говорила ученикам-евреям, что завтра у нас праздник, и поэтому в школу приходить нам не нужно. Это соблюдалось свято.

Все мои друзья школьных лет были евреями. Приятели-эстонцы были, и в колледже, и во дворе. В доме, где мы жили, были эстонские мальчики моего возраста. Мы играли с ними в мяч, бегали во дворе – а потом расходились по домам. В гости друг к другу мы не ходили. А настоящие друзья все были евреями. Мне трудно анализировать, почему так получилось, могу только сказать, что родители на меня никакого давления не оказывали, это был мой выбор. Так получилось.

Мои родители были умеренно религиозны. Конечно, еврейские традиции в нашем доме соблюдались всегда. Кашрут мама выполняла. Мясо она покупала только у еврейского мясника, кур покупала живыми на рынке и несла их к шойхету резать. Шойхет работал около синагоги. Мама сама вела хозяйство, даже когда пошла работать.

Запрета работать в Шабат отец не соблюдал. Суббота была его обычным рабочим днем. Но все еврейские праздники у нас дома отмечали по всем канонам. В отдельном шкафу у мамы стояла пасхальная посуда, которой пользовались только раз в году, на Песах. Если пасхальной посуды не хватало, повседневную очень долго и сложно кошеровали, чтобы ее можно было использовать в Песах. Помню только, что ее нужно было неделю вымачивать. На нашей улице была конфетно-бисквитная фабрика, хозяином которой был еврей Геностер. Там был один цех, где пекли печенье, и перед Песах этот цех

тщательно чистили и пекли там мацу. Хороший знакомый моего отца Ицхак руководил выпечкой мацы. Помню, он показывал мне, как раскатанный кусочек теста проходил через электропечь, и с другого ее конца выходила готовая маца. Потом эту мацу продавали в синагоге, и родители всегда покупали много, чтобы хватило на все дни праздника. Хлеба в дни Песах дома не было, ели только мацу. Мама готовила традиционные пасхальные блюда. В Эстонии было принято проводить два пасхальных седера, в первую и во вторую ночь Песах. На седеры мы каждый год ходили к старшему брату мамы Маркусу. У него была большая квартира. Приходили все братья мамы со своими женами и детьми. Был огромный стол, и всем за ним хватало места. Маркус проводил седер по всем правилам.

В Йом-Кипур родители обязательно соблюдали пост. Детям поститься было не обязательно, а взрослые свято этого придерживались. Мой отец много курил, но в пост Йом-Кипур он целые сутки не прикасался к папиросам. Мама тоже постилась. У родителей были свои места в синагоге. Отец купил для себя и мамы хорошие места. Иврита отец не знал. У него был толстый молитвенник на двух языках, на идиш и на немецком, такие были в Эстонии до войны. В Йом-Кипур я и мои товарищи ходили в синагогу вместе со своими отцами. Я стоял рядом с отцом, мама была наверху, с женщинами. А потом мы, дети, уходили из синагоги и шли домой к кому-нибудь. Семьи были богатые, у всех была прислуга. Кухарки всегда радостно встречали нас: «Ой, дети, вы же сегодня голодные, скорее идите кушать!». Так мы с друзьями ходили из дома в дом, и целый день нас кормили всякими вкусностями. Отмечали у нас дома и другие еврейские праздники – Рош-Ашана, Хануку, Пурим. Все было как полагается по еврейским традициям.

Из праздников, которые проводила еврейская община Таллинна, я помню только Симхесторе, праздник Торы. Община в этот день устраивала большой праздник в синагоге. Все дети были в карнавальных костюмах, с фонариками в руках. Бегали, плясали, пели... Было даже какое-то угощение, в общем, весело было. Еще на все еврейские праздники в еврейской школе устраивали концерты, представления. Мы все, конечно, туда ходили. Независимо от того, в какой школе учились еврейские дети, мы все были знакомы между собой. Город-то небольшой был: в Таллинне до войны было 120 000 жителей, а евреев из них около 5 000.

Я был членом юношеской еврейской организации Hashomer Hatzair: 'The Young Watchman'. Раз в неделю мы собирались. Нам рассказывали об истории еврейского народа, потом проводили разные викторины, тесты на знания и сообразительность, были разные игры. Там всегда было очень интересно. Кроме того, примерно с 1937 года каждую субботу по вечерам таллиннский раввин доктор Аба Гомер [15] собирал у себя дома всех еврейских детей, мальчиков и девочек, которые не учились в еврейской школе, и учил нас еврейской истории, традициям. Аба Гомер был доктором философии Гейдельбергского университета, очень умным и интересным человеком. Я очень любил эти субботние занятия у доктора Гомера. Часок он нам рассказывал, а потом ребецн угощала нас чаем с пирогами.

В 1937 году мне исполнилось 13 лет. Хороший друг моего отца Дом Шац, очень верующий человек, который ходил дважды в день в синагогу, взялся подготовить меня к бармицве. Я ежедневно ходил к нему домой, и он

занимался со мной. Я выучил отрывок из Торы, но его надо было петь, а у меня совершенно не было ни голоса, ни слуха. И мне разрешили не петь, а читать его. Можно считать, что у меня была бармицва с концертом – в этот день службу в синагоге проводил знаменитый певец и кантор Миша Александрович. Он учился пению в Австрии, а оплачивал его учебу рижский кантор. Вечером родные устроили праздник по случаю моей бармицвы. У нас была маленькая квартира, поэтому праздник устроили у дяди Иосифа. Он жил рядом с таллинским городским парком Кадриорг, и квартира у него была большая.

Когда в 1933 году к власти в Германии пришел Гитлер, в Эстонии активизировались местные немцы, которых здесь было много. Почти все немцы, жившие в Эстонии, были богатыми людьми. Были школы для немецких детей. Держались они довольно обособленно. Когда эстонские евреи узнали о преследовании еврейского населения в Германии, о том, что евреев выгоняют из домов, отправляют в концлагеря, они восприняли это очень болезненно. Это вылилось в форму пассивного протеста – старались не покупать немецкие вещи и продукты, не ходили в кино на немецкие картины. И отношения со знакомыми немцами были уже не те. В 1939 году, когда в Эстонии уже были созданы советские военные базы [16], Гитлер призвал всех немцев, живущих вне Германии, возвращаться на родину, и большинство эстонских немцев уехали. Вообще, в Эстонии, не знаю, с какого времени, действовали исподтишка две силы, англичане и немцы боролись за Прибалтику. В 1939 году гитлеровские войска вторглись в Польшу. Мы следили за ходом военных действий. Тогда мы могли еще узнавать новости из радиопередач финнов, немцев и англичан. Тогда еще у нас были радиоприемники, потом их забрали. В витринах вывешивали «молнии», короткие телеграфные сообщения о ходе военных действий. Эта короткая война принесла горе в нашу семью. В Катовице вместе с другими евреями была расстреляна немцами мамина старшая сестра Полина Вигура. Вскоре советская армия освободила Польшу [17]. После неудачной попытки завоевать Польшу Гитлер со Сталиным поделили Европу. Вся Прибалтика в соответствии с подписанным тогда пактом Молотова-Риббентропа [18], вошла в сферу влияния СССР. Правда, о существовании этого пакта нам тогда было неизвестно, об этом узнали уже после 2й мировой войны. После подписания пакта Молотова-Риббентропа Эстония оставалась независимой еще около полугода. Правда, еще в 1939 году в Эстонию ввели советские войска, но тогда это обосновали тем, что в связи с обострением мировой политической обстановки в целях безопасности границ в Эстонии будут базироваться советские войска. Численность этих войск, 25 000 человек, почти вдвое превышала численность эстонской армии, которая к тому времени насчитывала 15 000 солдат и офицеров.

Я хорошо помню события 1940 года, перед тем, как Эстония вошла в состав СССР [19]. В Эстонию вошли советские войска. Входили они совершенно открыто, не ожидая сопротивления. В городах советские военные наскоро сколачивали сцены, и военные ансамбли выступали перед зрителями, пели и плясали. Но тогда еще им было запрещено личное общение с местным населением. Коммунисты, которые в Эстонии были в подполье, организовали рабочих Таллинна на демонстрацию. Тогда в Эстонии наступил экономический кризис, была большая безработица. А безработица – это страшно, под страхом потерять работу человек способен на многое. Помню, как мои родители в то время жили в постоянном страхе, что вместе с зарплатой им вручат

уведомление об увольнении с работы. Мы с друзьями ходили смотреть на эту демонстрацию. Рабочие вышли на улицы под лозунгами: «Хотим хлеба и работы!». Их направляли умелые руки. Рабочие пошли к правительственному зданию, требовали отставки правительства во главе с президентом Эстонии Константином Пятсом. С обеих сторон колонны демонстрантов прикрывали советские броневики и танки. А потом они пошли к Кадриоргу, неся с собой антиправительственные плакаты и скандируя лозунги. После этого Пятс объявил, что правительство уходит в отставку. Было назначено новое правительство, и вскоре была распущена Государственная Дума, и прошли выборы в Верховный Совет. Распустили эстонскую армию, ее командование было отстранено от должностей. Были запрещены все политические партии, кроме коммунистической, которая вышла из подполья. А потом новое правительство провозгласило создание Эстонской Советской Социалистической республики, и обратилось к правительству СССР с просьбой принять Эстонию в состав СССР. 6 августа 1940 года Эстония была включена в число республик СССР. Большинство местных жителей отнеслись к этому весьма негативно, но открытых протестов не было, боялись.

После установления в Эстонии советской власти вокруг нашей страны опустился «железный занавес» [20], который окружал СССР с момента его образования. Перестал ходить пароход в Финляндию, отменили рейсы самолета. Уже нельзя было поддерживать связь с родными и близкими, живущими в других странах [21]. Для жителей СССР это было естественно, а у нас вызывало недоумение. Началась борьба с религией [22]. В школах отменили уроки религии, уже нельзя было официально отмечать религиозные праздники. Началась национализация банков, торговых и промышленных предприятий. В каждое предприятие назначали комиссара по национализации. Он приходил в магазин, на фабрику, забирал у хозяина ключи и документацию, и выставлял хозяина на улицу. Никакой компенсации хозяину не полагалось – ему просто сообщали, что все уже принадлежит народу, а не ему лично, а товар комиссар и сам сосчитает. Да, так было. Некоторым рабочим и служащим разрешали остаться на своих местах. В деревнях началось раскулачивание [Kulak] [23]. Конечно, среди сельского населения Эстонии, которое составляло большинство населения, было большое расслоение – были очень состоятельные крестьяне, и было много бедняков. Сельское хозяйство в Эстонии было очень развито. Могу сказать, что Эстония жила за счет экспорта масла, яиц и бекона. Масло закупала Дания, бекон весь шел в Англию. Работали крестьянские семьи от зари до зари, и в работе принимала участие вся семья. И вот, у этих людей советская власть отобрала землю и разделила ее между бедняками. Так что благодаря таким действиям, часть эстонцев была за советскую власть, а у других все это вызывало протест, до поры затаенный.

Мои родители вполне лояльно относились к советской власти. Собственности у них не было, они ничего не потеряли. Они работали, и уже не боялись лишиться работы. После установления советской власти зарплаты остались такими же, какими были до присоединения, а цены стали гораздо ниже, их сравнивали с ценами на аналогичные товары в СССР. Так что наш уровень жизни сразу стал выше – все можно было купить, все было доступно. Появились новые для нас продукты, которых раньше не было. Мы тогда впервые увидели сгущенное молоко в банках, консервы из крабов, грузинские вина. Все это сразу появилось в магазинах, все продумано было. Так что жизнь

нашей семьи при советской власти изменилась только к лучшему. А к самой идее коммунизма родители относились скептически, как к интересной мысли, к утопии, которая только идеей и останется.

Наш колледж в 1940 году закрыли. Я только успел окончить 9 класс, и нужно было еще 2 года учиться. Всех учеников перевели в среднюю школу, которую разместили в здании реальной гимназии. Но я со своим товарищем, тоже евреем, не захотел учиться в этой школе. Мы поступили в бывшую частную русскую гимназию, которая тоже была превращена в государственную школу. Мы оба хорошо говорили и читали по-русски, но совершенно не знали грамматики и не могли писать по-русски. Отец моего товарища за лето подготовил нас обоим настолько, что мы оба хорошо успевали в учебе в новой школе. В июне 1941 года мы окончили 10й класс. Нам предстоял еще год учебы.

14 июня 1941 года – памятная дата для всех жителей Эстонии. Ночью проходила депортация населения Эстонии советской властью [24]. К вечеру были готовы списки для депортации. Среди депортированных были евреи, эстонцы, русские – людей отбирали не по национальному признаку, а по уровню их обеспеченности, по политическим соображениям. Советской власти были доступны все банковские документы, и им легко было находить достаточно обеспеченных людей. В составлении списков участвовали члены коммунистической партии Эстонии, и я не исключаю, что многие кандидатуры для депортации были включены в списки по личной вражде или из зависти. Были в числе депортированных и люди, заподозренные в нелояльности к советской власти, политические деятели досоветского времени, зажиточные крестьяне и просто не причастные ни к чему люди, например, те, жилье которых понадобилось приезжим. К дому подъезжал грузовик с солдатами НКВД [25], людям давали короткое время на сборы – и все. На железнодорожной станции стояли готовые к отправке эшелоны. Сортировка проходила на месте – мужчин везли отдельно, в Гулаг [26], членов их семей – на поселение в Сибирь. Всего 14 июня было выслано около 10 000 человек. Это не так уж мало, если вспомнить, что все население Эстонии тогда было немного больше 1 000 000 человек. Среди высланных в тот день была и семья младшей сестры отца Розы, в замужестве Кломпус. Семья Кломпусов была, наверное, самой богатой семьей в Тарту. Старику Кломпусу, отцу тетиного мужа, принадлежал в Тарту целый квартал жилых домов, и еще была какая-то недвижимость. Завещание он написал на имя только одного из своих сыновей, тетиного мужа Вольфа. Сказал, что остальные все пропьют или в карты проиграют. Так что из всей семьи выслали только Вольфа, Розу и их сына Анатолия. Вольф был в лагере, Роза с сыном – на поселении в Сибири, в Томской области, в каком-то глухом поселке, где от ближайшей станции нужно было еще полдня по реке плыть. Вольф был реабилитирован [27] в 1950х годах, и приехал в Эстонию. Но в Тарту он не вернулся, поселился в Пярну. По образованию он был экономистом, нашел себе работу по специальности, получил квартиру. Когда Анатолий окончил школу в ссылке, мои родители пытались забрать его к нам. Но Анатолий поступил в Томске в институт, и после окончания учебы они с Розой приехали в Пярну. После всех перенесенных испытаний у Розы развилась болезнь сердца. Она прожила после возвращения пару лет, и умерла, сердце не выдержало. И Анатолий был болезненным – сказались голодное детство, тяжелая жизнь в ссылке. После смерти Розы ее муж жил с Анатолием. Анатолий женился, у них родилась дочь. Мы иногда навещали их.

Когда Анатолий ушел на пенсию, он переехал в Таллинн. Его дочь с семьей эмигрировала в США, в Бостон. В 1990х годах, уже при независимости Эстонии, семье Кломпусов вернули их собственность в Тарту. Анатолий поехал навестить дочь, и на следующий день после приезда скоропостижно умер от инфаркта. Хоронила его еврейская община Бостона. Похороны были традиционные, еврейские.

Я устроился на лето вожатым в пионерский [28] лагерь. Это был хороший лагерь примерно в 70 км от Таллинна. Смена началась 15 июня, и мы только стали обустроиваться там. А в ночь с субботы на воскресенье, 22 июня 1941 года [ВОВ], мы уже слышали грохот артиллерийской канонады. Мыслей о войне у нас, конечно, не было, думали, что это очередные военные учения. Только из речи Молотова [29] по радио, около полудня 22 июня, мы узнали о нападении гитлеровских войск на СССР. Мы сразу же вернулись в Таллинн. Уже начиналась эвакуация, и мои родители решили эвакуироваться. Слава Б-гу, что они не стали тянуть с этим. Ведь у многих местных жителей, и евреев, и эстонцев после трагического дня депортации страх перед советской властью был гораздо сильнее страха перед немцами. Этот день сыграл еще одну роковую роль в жизни евреев Эстонии. Недаром эстонцы еще до немецкой оккупации страны стали сами истреблять евреев. Недаром Эстония первой из европейских стран доложила Гитлеру, что ее территория освобождена от евреев, «юденфрай» [30]. Ненависть к советской власти была настолько сильна, что перевесила историческую нелюбовь эстонцев к немцам. Немцев ждали как освободителей, спасителей, и готовы были выполнять любые их приказы. На территории Эстонии практически не осталось в живых евреев, которые не эвакуировались. В этом смысле даже сосланные в Сибирь оказались в лучшем положении, чем те, кто не захотел покинуть свой дом. Ведь люди считали, что они наденут желтую звезду, раз уж немцы этого требуют, будут говорить по-немецки, и спокойно смогут ужиться с немцами. И все они погибли. Но обо всем этом – о концлагере Клоога [31], о расстреле евреев на берегах озера Харку в Таллинне, о расстрелах в таллиннской тюрьме и о многих других ужасах мы узнали только после войны. А пока что мама и я собрали вещи и отправились на вокзал. Отец работал в военторге, и должен был эвакуироваться вместе с товарами, вывозить их в тыл. Родители решили не ждать, а уезжать порознь. Эвакуация шла буквально с первых дней войны. На товарной станции Таллинна стояли эшелоны товарных вагонов, готовые к отправке. Как только эшелон заполнялся людьми, его тут же отправляли. Мы эвакуировались 3 июля 1941 года. Наш эшелон еще успел проскочить мост через реку Нарву, а потом он был уничтожен бомбежкой. Нам сказали, что всех эстонцев будут эвакуировать в Ульяновск, куда уже было эвакуировано правительство Эстонии [32]. В пути мы были около 3 недель. У нас было с собой немного продуктов и вещей. Нам повезло: в нашем поезде один вагон заняла какая-то торговая организация, которая вывозила свои товары. У них можно было купить все, что нужно: печенье, сливочное масло, мясные и рыбные консервы. Так что в пути мы не голодали. Нас довели до уральской станции Еланская, между Свердловском и Челябинском. На станции все было организовано для приема эвакуированных. Из окрестных колхозов [33] приехали подводы. Нас сначала отвезли в школу, потом стали распределять по колхозам. Нас направили в колхоз за 30 км от районного центра Долматово.

Мы с мамой стали работать в колхозе. Был уже август, и мне нужно было думать о поступлении в школу. У нас были с собой паспорта, и мы вернулись в районный центр. Я записался в школу. В Долматово было несколько предприятий, и мама стала искать работу. Она поступила бухгалтером в овощесовхоз, который обеспечивал капустой, картошкой, морковью работников трубного завода в городке Каменец-Уральский. Во время войны этот трубный завод стал выпускать пушки. Мы сняли комнату у хозяев в пятистенной избе. Там было 2 комнаты, и между ними – большая русская печь [34]. Собственно, комнатой наше жилье трудно было назвать – дверей там не было, просто висели какие-то занавески. Вскоре нас разыскал отец. Он вместе с военоторгом был эвакуирован в Сталинград. И там уже он стал разыскивать нас. Там были знакомые из Таллинна, которые переписывались со своими родными. И вот таким сложным путем отец узнал, что мы с мамой в Долматово, и поехал к нам. В Долматово была маленькая электростанция, которая полгорода обеспечивала электричеством, и отец поступил туда работать электриком. Еще он работал электриком на военных курсах, которые разместились в старом монастыре. Первая зима была для нас очень тяжелой. Теплых вещей мы с собой не брали. Нам ведь говорили, что война кончится через месяц-два, и не нужно брать с собой много вещей. Всю суровую уральскую зиму я проходил, вернее, пробегал, в легких ботинках. С едой тоже туго приходилось. Спасало то, что в совхозе давали обед, и хлеб давали по карточкам [35], хотя и не каждый день. А весной хозяева дали нам кусочек земли, и мы посадили на нем картошку. Так что осенью мы собрали урожай, и на зиму были обеспечены картошкой.

Я учился в школе, в 10 классе. Класс был небольшой, большинство учеников были эвакуированные из Москвы, в основном, дети крупных политиков. Конечно, половина из них была евреями. Учился я хорошо. Удивительно, но даже среди москвичей я был первым в школе по грамотности. В июне 1942 года я окончил 10й, выпускной класс, получил аттестат. Летом я 2 месяца проработал в колхозе на сенокосе, а в сентябре 1942 года меня призвали в армию. Отец был призван через год после меня, а на фронт он попал раньше, чем я. Он был шофером в медсанбате Эстонского корпуса [36]. А меня направили в эстонский запасной полк, где нас, новобранцев, обучали военному делу. Стоял полк на Урале, около Камышлова, в Еланских лагерях. Начали мы с постройки жилья для себя. Нужно было строить землянки, рубить лес и носить бревна к месту постройки. Вначале у нас были телеги, но не было лошадей. Мы запрягались в телегу, человек по 20, и тащили телегу с бревнами. Нужно было тянуть ее в гору. А потом приехал какой-то воинский начальник, увидел нас, и сказал, что нельзя, чтобы люди запрягались в телегу, словно лошади. И после этого нам пришлось таскать бревна на собственных плечах. Ежедневно у нас были занятия по 8 часов. Нас обучали стрелять, разбирать и собирать оружие, ползать, бегать... Учили хорошо, и мы сами понимали, что от этого, возможно, зависит наша жизнь на фронте. А из лагерей нас направили на фронт, в пехоту.

Для нас, жителей Эстонии, создание Эстонского корпуса было большим счастьем. Ведь начал Сталин с того, что всех эстонских призывников отозвал с фронта и отправил в трудовую армию [37], где они погибали от голода, морозов и непосильного труда. Я считаю, что многим из нас удалось вернуться с войны живыми только потому, что мы служили в Эстонском корпусе.

Начали мы свою фронтową жизнь под осажденным Ленинградом [38]. Это были первые наши бои. Мы прибыли на фронт позже других частей, которые брали Ленинград. Нам не пришлось участвовать в страшных сражениях в Синявских болотах, где погибло очень много людей. Как только была снята блокада Ленинграда, нас довели до освобожденного города, а оттуда мы должны были пешим маршем двигаться дальше. Помню, как мы шли по только освобожденному Ленинграду. Изможденные, шатающиеся от истощения женщины в фуфайках, замотанные в платки до бровей, ремонтировали трамвайные пути, разбирали завалы кирпичей от разрушенных домов. Они для нас были примером мужества. Очень страшно было видеть на улицах штабеля мертвых тел. Сколько людей умерло во время блокады Ленинграда, подумать страшно! Мы прошли Красное село, пригород Ленинграда – одни развалины... После Красного села мы вошли в Дудерьков, это было дачное место под Ленинградом. Там большая гора, поросшая соснами, и все эти сосны были срезаны снарядами. Нас перебросили в Псковскую область. А после освобождения Пскова мы двинулись в сторону Эстонии. Мы шли освобождать от фашистов свою землю.

В феврале 1944 года началось форсирование реки Нарва. Бои за Нарву были ожесточенными. На берегу Нарвы стояли эстонцы, эсэсовцы. Бежать им было некуда. Немецкое командование убедило их, что им придут на помощь, нужно только продержаться до прихода свежего пополнения. И они держались за этот пяточок земли из последних сил. Это были страшные бои еще и тем, что воевали эстонцы против эстонцев, Эстонский корпус советской армии против эсэсовской эстонской дивизии. Были даже случаи, когда родственники из одной семьи воевали друг против друга. Река была покрыта льдом, но белого цвета не было видно, лед был алым от крови. И только летом 1944 года нам удалось выбить противника, укрепившегося на берегу реки. Наш батальон участвовал в этих боях, но хочу сказать, что главный удар по немецким позициям нанесли бойцы штрафного батальона, который сражался рядом с нами. Штрафников пускали в первые атаки, честно говоря, просто использовали как пушечное мясо. Если бы ни они, наши потери были бы гораздо больше. Мало кто из штрафников оставался в живых. Воевали они в штрафных батальонах «до первой крови», то есть, до ранения, и после госпиталя их переводили в обычную часть.

Можно много говорить о тяготах фронтовой жизни. Мы постоянно переходили с места на место. Неделю-две воевали на каком-то плацдарме, а потом переходили на новые позиции. И начинать надо было с рытья окопов. Сколько мы этих окопов вырыли – не сосчитать... Инструментов у нас не было, только маленькие саперные лопатки. Для начала копали себе гнездышко, чтобы хоть тело как-то спрятать, а потом углубляли, углубляли, пока уже можно в окопе стоять во весь рост. А потом соединяешь свой окоп с соседом, который рядом копает, и дальше уже можно вдвоем работать. Так постепенно и получался хороший окоп. Только его закончишь – команда двигаться дальше, и на новом месте начиналось то же самое. Спали мы большей частью на открытом воздухе. Летом хорошо, можно лечь в траву и спокойно уснуть, а зимой, в морозы, было хуже. Ложились спать по двое: одну плащ-накидку и одну шинель подкладывали под себя, а второй шинелью и плащ-накидкой укрывались. Вещмешок – под голову, а автомат нужно было прижать к себе, чтобы никто не забрал. А часа через 3 проснешься, а встать тяжело – снегом засыпало.

Перед каждым боем проводилась артиллерийская подготовка. К концу войны у нас было уже много артиллерии. Ее количество нарастало постепенно. В начале моей фронтовой жизни у нас на вооружении были противотанковые 45мм пушки, которые называли «Прощай, Родина!». Такую пушку расчет, 3 человека, выкатывал на открытое место, и они прямой наводкой стреляли по танкам. Но танки тоже ведь не ждали, пока их подобьют... Очень часто весь расчет такой пушки погибал сразу же. Потом уже появились противотанковые ружья и реактивные снаряды. Стало больше авиации, и тогда уже атака начиналась с авианалетов на позиции противника, потом была артиллерийская подготовка, а потом в атаку шла пехота. Шла с криком «Ура! Вперед за Родину!». Помню наши первые бои. Нас, солдат, поднимали в атаку, и было очень страшно вставать и идти вперед. Но мы понимали, что главное для нас – идти вперед, и не надо думать о том, что тебя в любой момент могут убить. Потом, конечно, у обстрелянных, опытных солдат чувство страха притупляется, но совсем не проходит. Привыкнуть к этому невозможно. Но тогда уже появлялись мысли о том, что после боя привезут полевую кухню, покормят. Иногда, конечно, бывали перебои с поставкой продуктов, особенно в весеннее и осеннее бездорожье. Части армии уходили вперед, а полевые кухни отставали от нас.

После взятия Нарвы было еще много боев. Мы уже шли по территории Эстонии, с юга Эстонии через Таллинн и до островов. Наверное, немцы уже понимали, что конец войны близок, и бежали из Эстонии. Помню бой за остров Сааремаа. Это была стратегическая точка, и занять ее надо было нашему полку. Я был в 3 батальоне, а первым на остров отправили 1 батальон, моряков Балтийского флота на десантных катерах. Посадили их на эти катера – и на штурм. Им нужно было занять плацдарм, а потом мы должны были подойти. Этот десант окончился трагически. Катера довели десантников до первой мели и высадили их там, думая, что это уже прибрежная отмель. А за мелью было снова глубокое море, и все они утонули. И такое бывало... Очень страшно было во время ночного боя на Сааремаа, на полуострове Сырве. Мы вышли на позиции. Ночь, темень страшная, и мы нарвались на немцев, которые уже шли к морю, к своим кораблям, и не ожидали нашего нападения. Это был мой первый рукопашный бой. До этого, когда мы ходили в атаку, мы стреляли, конечно, но никогда не знали точно, кто кого убил, и сколько немцев убил. Главное было – уничтожить противника и идти вперед. И никто не считал, погиб враг от твоей пули или от артиллерийского снаряда. Эмоций не было, как в тире. А тут нужно было сражаться вплотную к противнику, да еще в кромешной тьме. Узнавали немцев наощупь – мы все были коротко острижены, а у немцев были волосы подлиннее. Хватали за голову: если с волосами – значит, немец, враг. Дрались, чем можно было – штыками, ножами, прикладами ружей и автоматов. Тогда у меня не было ощущения, что я людей убиваю. Было какое-то звериное чувство самосохранения – дерешься за себя, за свою жизнь. Других эмоций не было.

В начале 1945 года меня направили на курсы младших командиров ленинградского фронта. После курсов я получил звание младшего лейтенанта. И когда нас направили в Курляндию, я уже командовал взводом.

Последние бои, в Курляндии, были самые тяжелые. Наше командование торопилось выбить оттуда немцев, закончить войну, а немцы держались,

отчаянно сражались, чтобы другие части успели эвакуироваться. Продвигались мы там очень медленно: воюем, стреляем, выбиваем немцев, продвигались на 50, 100 м – и снова останавливались. Места там были тяжелые, укрыться нигде было: поляна, потом кусочек леса, и опять открытая поляна. Даже раненых, которые оставались на поляне, можно было вытащить только ночью, а целый день они лежали, истекая кровью. Мой лучший друг еще со школьных лет воевал в соседнем полку. Во время наступления он был ранен в ногу, и целый день пролежал на болоте, не могли его вытащить. Ночью его вытащили и отправили в медсанбат, а потом в госпиталь. У него уже начиналась гангрена, а лечить в госпитале нечем было. И ему ампутировали ногу ниже колена, чтобы гангрена дальше не пошла.

Мы воевали в Курляндии, потом наступило затишье. Практически весь апрель мы занимались только боевой подготовкой. Построили себе землянки, и отдыхали от боев. Мы уже понимали, что война идет к концу. В начале мая к нам приехал командир корпуса, эстонец, генерал-лейтенант Лембит Пярн. Он был из кавказских эстонцев, которые еще в XIX веке ушли в Грузию в поисках лучшей жизни. Нас построили, и Пярн сказал нам, что через несколько дней мы получим сигнал к бою, и мы должны быть готовы пройти с боями за полтора часа 7 км, и выгнать немцев с их позиций. Мы готовились к этому, тренировались в беге, практиковались в прицельной стрельбе на бегу. И вот, 8 мая 1945 года ближе к вечеру мы получили приказ идти в бой. Мы начали выдвигаться на позиции. Танки шли по дороге, а мы, пехота, бежали рядом. Было еще светло. Вдруг танковая колонна остановилась, и я увидел, что со стороны фронта, с немецкой стороны к нам едет «виллис». Из него вышел генерал, подошел к танкистам и громко сказал: «Все, товарищи, война кончилась!». Потом я узнал, что это был член Военного Совета генерал Панюшкин. Он уже побывал у немцев, и они подписали капитуляцию. Что тут началось! У нас были трассирующие пули для ночного боя – пуля летит, а позади нее горит огонек, чтобы в темноте видеть, куда стреляешь. Все стали стрелять в воздух, и небо озарилось огнями. Командир танкистов попросил у генерала разрешения снять с танков светомаскировку. Фонари на танках были закрыты щитками, только узкие щели оставались. Тогда же приборов ночного видения не было. Генерал разрешил снять светомаскировку, и сразу в лесу стало светло, как днем. Нам приказали никуда не ходить, переночевать в этом лесу. Вскоре подоспели полевые кухни, накормили нас, и впервые за долгое время выдали к ужину по 100 г водки. Весь следующий день мы отдыхали, а немцы шли мимо нас организованными колоннами сдаваться в плен. Без оружия уже шли, мы наблюдали. А потом нам приказали проверить, не остался ли кто-нибудь на этих 7 км, которые мы должны были накануне пройти с боем. Когда мы увидели, что ожидало нас в этом лесу, у нас волосы встали дыбом от ужаса. На всем пространстве сосны были спилены примерно на высоте колена, и спиленные стволы вместе с ветками лежали на пеньках. Пролезть под ними невозможно было, нужно было перелезть через каждый ствол, идти в полный рост. А за этими соснами были ряды немецких окопов с установленными пулеметами, и даже площадки под пулеметами с немецкой аккуратностью были посыпаны песочком. У них каждое место было заранее пристреляно, а наша разведка не смогла это уточнить. Если бы нам пришлось вступить там в бой, вряд ли кто-нибудь из нас остался бы в живых. И здесь судьба хранила меня.

За все время моего пребывания на фронте я был только один раз ранен. Ранение было легкое, в ногу, кость не была задета. Меня направили на излечение в госпиталь, и потом я снова вернулся в свою часть.

Наградами нас в Эстонском корпусе не баловали. Не знаю, по какой причине, но награды мы получали по сравнению с другими частями очень редко. У меня 2 фронтовых награды: медаль за боевые заслуги [39] и орден Отечественной войны [40] 2 степени. Потом уже, после войны я получал награды к юбилейным датам победы и советской армии.

В Эстонском корпусе, как и в других частях советской армии, были политруки, комиссары [41]. Они проводили политзанятия с бойцами, но, кроме того, во все вмешивались, всем интересовались. И, конечно, были представители СМЕРШ [42], и эстонцы, и русские. Они вербовали себе осведомителей среди нас. Мы даже знали некоторых из этих осведомителей. Некоторых наших солдат потом перевели в СМЕРШ, и они даже получили там офицерские звания. Мне в этом плане повезло: меня не пытались завербовать. Представители СМЕРШ постоянно крутились среди личного состава Эстонского корпуса, но перед боем они обычно исчезали. В бой с нами они не шли, предпочитали наблюдать за ходом боя на некотором отдалении. Был у нас в корпусе и заградотряд. Они шли в бой позади бойцов, и не дай Б-г кому-то из бойцов повернуть назад – они имели право расстреливать на месте. К счастью, в нашем полку таких случаев не было. Правда, я попал на фронт уже в переломный момент войны. Нам не пришлось тогда уже отступить. Или оставались на месте, или все-таки шли вперед, но не отступали.

На войне я вступил в партию. Тогда это было массовым явлением, и офицеры должны были быть членами партии. Меня уговорил вступить наш замполит, очень интеллигентный человек. У меня не было особого желания стать членом партии, но и осознанного нежелания не было.

Все время моего пребывания на фронте я переписывался с родными. Удивительно, но полевая почта в тех условиях работала бесперебойно. Листок с письмом складывали треугольником, в штабе на него ставили штамп «Красноармейское бесплатное», и оно попадало к адресату. Правда, письма шли долго, особенно, когда часть передвигалась. Адресов у нас не было, только номер полевой почты.

Мы, бойцы Эстонского корпуса, были патриотами. Мы делали все, не щадили своих жизней для освобождения Эстонии от захватчиков. А евреи Эстонского корпуса воевали еще за то, чтобы фашисты не уничтожали евреев. Мы не знали тогда, как активно уничтожали евреев в Эстонии, но мы знали, что Гитлер сделал с евреями в Германии, знали, что он хочет уничтожить евреев в Европе. И мы понимали, что наш долг – остановить это любой ценой.

После окончания войны я ждал демобилизации. Свое будущее я не связывал с армией, я хотел поступить на юридический факультет университета, стать юристом. Наш корпус перевели в Эстонию, расквартировали в Клоога, где был военный городок. Правда, нашему батальону места там не хватило, и мы строили для себя домики. Каркас делали из сосновых и еловых стволов, а стены делали из деревянной дранки. Потом нас перевели в Альгвиду, это в

противоположном направлении от Таллинна, в сторону Ленинграда. Мы стояли в 7 км от станции в лесу. Жилья не было, строили себе землянки.

Начали демобилизацию людей старшего возраста. Я тогда уже был офицером, и мне сказали, что я молодой, и еще должен служить в армии. До 1949 года я служил в Эстонском корпусе. Потом началась реорганизация армии, сокращение личного состава. Это совпало по времени с началом антисемитской кампании в СССР – процессов космополитов [43], убийства Михоэлса [44]. Тогда уже я понимал, что кадровым офицером армии мне не быть, и занялся армейскими финансами. Образования у меня не было, я учился этому сам. В СССР тогда уже креп государственный антисемитизм, который все время подпитывался борьбой с космополитами. Все эти люди были евреями, и, наверное, это была их единственная вина. Конечно, это отразилось и на мне. В 1950 году, когда Эстонский корпус еще существовал, меня выжили оттуда, не скрывая, что это сделано из-за того, что я еврей. Я просил демобилизовать меня, но мне отказали и направили в отдел кадров Ленинградского округа, а оттуда – в Тихвинский военкомат финансистом.

Мои родители после эвакуации вернулись в Таллинн. Им дали 1 комнату. Вернулись из эвакуации и наши родные. Мамин брат Маркус с дочерьми вернулся в Таллинн. Его жена Таубе умерла в 1944 году в эвакуации. Маркус умер в Таллинне в 1950 году. Его дочь Долли умерла в 2002 году в возрасте 93 года. Вторая его дочь Мирра теперь живет в Иерусалиме. Ей уже исполнилось 89 лет. Вторым мамин брат, Иосиф, умер в эвакуации. Его дочь Стерма жила в Таллинне. Умерла она в 2002 году. Ее похоронили на еврейском кладбище в Таллинне рядом с могилами бабушки и дедушки.

Женился я в 1950 году. Со своей женой Мирьям Патовой я познакомился еще когда служил под Таллинном. Мы встретились в концертном зале Таллинна на концерте оркестра русских народных инструментов. В антракте нас познакомила наша общая знакомая. Мирьям тогда еще училась в школе. Мы с ней стали встречаться. Окончив школу, Мирьям уехала в Ленинград, поступила в ленинградский медицинский институт на лечебный факультет. Мы переписывались, встречались во время ее приездов на каникулы. Когда в 1950 году Мирьям приехала в Таллинн на зимние каникулы, мы поженились. Тогда тяжело болела мать Мирьям, и свадьбы мы никакой не устраивали, просто зарегистрировали брак в загсе, и вечером устроили скромный ужин, только мы и родители. Только через год, когда Мирьям приехала на зимние каникулы в Таллинн, и мне дали короткий отпуск, мы устроили свадьбу, на которую пригласили родственников. Мирьям училась в Ленинграде, и я мог ездить к ней из Тихвина в выходные.

Мирьям родилась в 1929 году в Таллинне. Жила ее семья в Раквере, а рожать детей ее мать приезжала в Таллинн. Отец Мирьям Беньямин Патов родился на Украине. В Прибалтику он попал во время 1 мировой войны, и

потом осел там. Ее мать Шейна, в девичестве Хазан, была уроженкой Риги. Отец Мирьям был шапочником, и жена помогала ему в работе. В семье было трое детей. Старшая сестра Рахиль, ее еврейское имя Рохле-Лея, родилась в 1920 году. Вторым был брат Бейнес, 1923 года рождения. Мирьям была младшей из детей. Семья была религиозной. Дома соблюдали еврейские традиции, отмечали Шабат и еврейские праздники. Когда брату Мирьям исполнилось 13 лет, ему сделали бармицву, это был большой праздник. Мирьям училась в эстонской школе с изучением немецкого языка с первого класса. Когда ей было 12 лет, ее сестра переехала в Таллинн, а вскоре туда уехал и брат Мирьям. Мирьям с родителями осталась в Раквере. В начале войны они эвакуировались, а после войны вернулись из эвакуации в Таллинн. Родители Мирьям хотели, чтобы она могла учиться, а в Раквере, маленьком городке, это было невозможно. Старшая сестра Мирьям Рахиль тоже жила в Таллинне. Брат Мирьям Бейнес погиб в самом начале войны. Он работал шофером в Таллинне, и его начальник приказал ему отвезти машину в Ленинград. Когда семья Мирьям уже эвакуировалась, они встретились с Бейнесом в Кингисеппе, когда он возвращался из поездки, и уговаривали его поехать с ними. Но Бейнес отказался, сказал, что у него есть приказ вернуться в Таллинн. Когда он приехал в Таллинн, в город уже входили немцы. Бейнеса схватили эстонцы, и расстреляли в таллиннской тюрьме. Уже после войны семья Мирьям получила архивные документы о его гибели, все архивы сохранились.

Наша дочь Татьяна родилась в Ленинграде 9 января 1951 года. Мирьям училась тогда на 4 курсе. Накануне родов Мирьям еще была на лекциях в институте. А когда дочке было меньше месяца, Мирьям привезла ее в Таллинн, немного побыла дома и вернулась в Ленинград. Благодаря матери Мирьям, которая растила Татьяну, Мирьям смогла окончить институт, не взяв академического отпуска, и не потеряв года. При малейшей возможности мы с женой приезжали в Таллинн к дочери.

В 1953 году меня перевели в город Бокситогорск, в 25 км на север от Тихвина. Там создали новый военкомат, и меня направили туда на работу. В Бокситогорске строили новые дома, и я получил хорошую 2комнатную квартиру. Мирьям к тому времени окончила учебу и попросила направление в Бокситогорск. Дочь, которой уже было 2,5 года, мы забрали к себе. Мирьям устроилась работать врачом-педиатром в городскую больницу.

5 марта 1953 года умер Сталин. Для людей, рожденных в СССР и выросших с его именем Сталин был иконой, Б-гом. Моя юность проходила в других условиях, и я мог критически относиться к личности Сталина. Все происходящее в СССР – процессы космополитов, «Дело врачей» [45], все усиливающийся антисемитизм – мы связывали с именем Сталина. Конечно, у нас не было источников информации, просто мы не были ослеплены, мы нюхом чувствовали, что это все исходит от Сталина, не может такое твориться без его ведома и согласия. Когда Никита Хрущев [46] выступил на XX съезде партии [47] с докладом о культе личности Сталина и его преступлениях, мы с женой были в ужасе. Тогда публиковали не всю речь Хрущева, только отрывки из нее, уже тогда было вето на информацию. Но и того, что мы могли прочитать, было достаточно для того, чтобы мы ужаснулись, хотя многое чувствовали, и многое знали. Знали, потому что тогда уже начали возвращаться люди из Гулага, и рассказывали, как там было. Конечно, это был шок. Потом уже мы узнали, что если бы не смерть Сталина, то евреев просто вывезли бы в Сибирь или еще дальше. Даже не могу сказать, что все это пошатнуло мое доверие к партии. К тому времени пребывание в партии стало для меня просто формальностью, необходимым условием для продвижения по служебной лестнице – и только. Правда, тогда, можно сказать, это было продвижение по лесенке, а не по лестнице. Я был евреем, а антисемитизм был довольно сильным.

Прожили мы в Бокситогорске сравнительно недолго. Началась реорганизация армии, и меня вызвали в отдел кадров ленинградского военного округа, чтобы предложить другую должность. Там мне сразу же сказали, что вакансий в Ленинграде нет. Я сказал, что не буду просить Ленинград. Мне показали список вакансий, и там было место начальника финансового отделения госпиталя в Таллинне. Я попросил направить меня туда. Меня предупредили, что в Таллинне тяжело получить квартиру. Но это меня не пугало, и я получил это назначение. Мои родители жили в 1 комнате, а у родителей Мирьям было 3 комнаты в коммунальной квартире [48]. Коммуналки появились у нас при советской власти, до этого мы не представляли себе, что в одной квартире могут жить чужие друг другу люди. Мы поселились вместе с родителями моей жены. В 1956 году родился наш сын Александр. Еврейских имен мы детям не давали, было уже советское время. Но еврейские традиции мы в своей семье соблюдали всегда. Все эти годы советской власти, будучи кадровым военным и членом партии, я воспринимал это не как религию, а как само еврейство, национальные традиции. И мы должны их знать и следовать им. Конечно, в те годы власти боролись с этим, но мы не обращали на это внимания. Да и в Эстонии с этим было полегче. Например, мацу в Эстонию всегда привозили вполне официально, то из Риги, то из Ленинграда. А потом уже, в конце 1980х годов, еврейская община Эстонии [49] обращалась к уполномоченному по делам религии, и эстонское правительство выделяло из своих запасов муку для мацы к Песах. Может быть, потому мы так к этой стране относимся, считаем ее своей родиной. Даже в самые трудные годы, послевоенные, и до 1990 года, у нас дома каждый год на Песах был седер, конечно, один седер. Приходили наши друзья, и мы праздновали свой праздник. И дети обязательно участвовали в праздниках, знали, чему посвящен каждый праздник, знали еврейские традиции, историю еврейского народа. Для них это было совершенно естественно. В школе, где учились дочь и сын, в каждом классе было много еврейских детей. Кстати, в этой школе после войны училась моя

жена. Мы с женой никогда не стеснялись того, что мы евреи, не считали себя ущербными, и дети это видели и понимали. Вообще, среди коренного эстонского населения отношение к евреям было не таким, как у приезжих. В основном носителями антисемитизма были люди, приехавшие в Эстонию уже после ее присоединения к СССР. А у эстонцев было по-другому. Они считали: нас преследуют и унижают в СССР, и евреев тоже, значит, надо быть солидарными с евреями. Вот это было главное: они считали нас равными – и эстонцы несчастные, и евреи несчастные, так давайте помогать друг другу.

Среди наших друзей было много евреев, но были и эстонцы, и русские. Национальность для нас была не важна, важно было, что за человек рядом с тобой.

Отмечали мы дома и советские праздники – 1 мая ['International Day of Workers' Solidarity', now Labor Day], 7 ноября [50], День победы [51]. Конечно, День победы был для нашей семьи особенным днем – мы выжили в этой страшной войне, и это было счастьем. А остальные советские праздники всегда были выходными днями, и для нас это был повод побыть вместе с детьми, приготовить что-то вкусное, пообщаться. Ведь у нас было мало времени для общения с детьми. Мы оба работали. Мы с женой благодарны судьбе за наших мам. Маленькую дочь вырастила мать моей жены, и дала Мирьям возможность окончить институт без перерыва. А когда дети уже пошли в школу, их воспитанием занялась моя мама. Когда они приходили из школы, их встречала дома бабушка, кормила обедом, помогала готовить уроки, всегда находила время, чтобы выслушать детей, обсудить их проблемы. Дети ее очень любили. И мы были спокойны за детей. Мама и в старости очень любила читать. Мы выписывали много литературных журналов, и первой их всегда прочитывала мама. Дома мы с детьми говорили по-русски, но оба они хорошо знали эстонский. Говорить по-эстонски они научились, играя с детьми во дворе.

Отец умер от рака в Таллинне, в 1963 году. Его похоронили на еврейском кладбище Таллинна по еврейскому обряду. Рядом с ним мы похоронили маму, которая умерла в 1972 году. У нас там много могил, все наши родственники похоронены там. Еврейское кладбище в Таллинне даже немцы во время оккупации не тронули. Не было разрушенных, оскверненных могил. И при советской власти оно продолжало существовать, и теперь работает. Теперь страшно другое – оно уже переполнено, территории кладбища не хватает. Скоро там негде будет хоронить.

В армии продолжалась реорганизация, сокращалась численность. Мою должность в госпитале упразднили, и мне предложили работу в военкомате начальником пенсионной группы, военкомат же назначает военные пенсии. Я согласился, и прослужил в военкомате больше 26 лет. Сначала я был начальником пенсионной группы, а потом стал начальником финансово-пенсионного отдела. Образования у меня не было, и я был вынужден пойти учиться. В Москве при Московском финансовом институте был военный факультет. Отбор туда был служебный, не конкурсный. У меня были прекрасные отношения с финансовым управлением Министерства обороны, они были довольны моей работой, и во всем помогали мне. Они направили меня на учебу. В этом случае моя национальность не была препятствием для поступления. Учился я заочно, ездил в Москву на экзаменационные сессии.

Когда мне исполнилось 60 лет, я стал просить об отставке. Мне было уже трудно работать, в таком возрасте даже генералов увольняют. Но меня не увольняли, не могли найти человека на мое место. Дело в том, что я свободно владею и русским, и эстонским языками. И нужно было найти мне на замену человека, который знал бы эстонский язык, мог общаться с властями, с организациями, министерствами. В конце концов я сам стал искать себе замену, и нашел финансиста-эстонца, который служил где-то на Украине в районе Чернобыля. Сообщил об этом в Министерство обороны, его перевели в Таллинн, и я наконец-то уволился. Пришел в армию в 1942 году, а ушел в 1985 с выслугой 43 календарных года, и полтора года на фронте зачли за 3 года. Благодаря этому, я получаю российскую военную пенсию, которая выше, чем была бы пенсия по возрасту. Гражданам Прибалтики военную пенсию Россия платит независимо от их гражданства.

Наша жизнь в Эстонии и в советское время заметно отличалась от жизни в СССР. Конечно, очереди, приметы советского быта, были и у нас. Но было и другое. К нам приезжали с концертами все советские знаменитости, многие проводили все лето в Эстонии. В Пярну, в Тарту собирались ученые, писатели, поэты. У нас постоянно целое лето были гости из Москвы, других городов – они приезжали «в Европу». Для них Таллинн действительно был Европой.

Наша дочь Татьяна после окончания школы поступила в тартуский университет на факультет русской филологии. Училась у Лотмана [52], и дома у него бывала. Даже в советское время тартуский университет был почти единственным в Советском Союзе, куда со всего Союза евреи приезжали поступать. Еще во время учебы в университете Татьяна вышла замуж за литовца Римантаса Дуду. Фамилия дочери в замужестве Дудиене. После рождения в 1976 году старшего сына Матаса Татьяна перешла на заочное отделение. Окончила учебу, в 1978 году родила второго сына, Симаса. Тогда большинство студентов-филологов после окончания учебы становились учителями. Татьяну это не привлекало, и она работала в библиотеке политехнического института. Живет дочь со своей семьей в Вильнюсе. У нее уже трое внуков, наших правнуков, а скоро и четвертый будет. Дома у дочери празднуют обязательно все еврейские праздники: Песах, и Рош-Ашана, и Йом-Кипур – все это, как полагается, как у нас дома было. Ее сыновья и их жены это все знают и уважают. И внуки будут знать, конечно. И все католические праздники тоже празднуют – муж дочери литовец, католик. Оба наших внука окончили магистратуру в Академии художеств в Вильнюсе, а старший сейчас в докторантуре. Очень скромный, очень работоспособный. У него двое детей, дочь Йоне, 2000 года рождения, и маленький Повилас. Ему уже полтора года. У Симаса пока что одна дочь Лея, ей 3,5 года. Вся семья дочери обязательно ежегодно приезжает к нам в гости. И мы их навещаем.

Александр окончил таллиннский педагогический университет по специализации «Физика и производственное обучение». Вступительные экзамены сын сдавал на русском языке, а уже через год стал сдавать экзамены во время сессии на эстонском. После окончания учебы сын получил распределение в таллиннскую общеобразовательную школу. А когда в Таллинне открыли большое новое профтехучилище, его пригласили преподавателем физики и труда. Он был руководителем группы электрослесарей. Александр всегда любил детей, и отдавал этой работе всю душу. Он поддерживал контакты с родителями своих учеников. На выпускном

вечере группы, которую вел сын, после вручения дипломов и аттестатов зрелости, к Александру стали подходить его ученики и их родители, благодарили. Цветов ему подарили столько, что пришлось брать такси, чтобы отвезти эти цветы домой. Родители были благодарны ему, что он поставил на ноги их детей.

Женился сын на еврейской девушке, уроженке Таллинна Маргарите Рубинштейн. Конечно, мы с женой не препятствовали бы сыну, если бы его избранницей стала не еврейка, но для нас это было очень важно. Маргарита с отличием окончила сантехнический факультет таллиннского политехнического института, работала в проектом институте. Она очень способная, прекрасно рисует. Их старшая дочь Роза родилась в Таллинне в 1983 году. В 1990 году семья нашей невестки решила уехать в Израиль. Ехали ее родители, сестра с мужем, дядя Маргариты с семьей. И Александр с Маргаритой тоже решили ехать. Это было еще советское время, и для отъезда сына нужно было наше с женой согласие. Мы не колеблясь пошли к нотариусу и оформили разрешение. Мы оба тогда еще работали, и для нас это могло быть чревато неприятностями, но об этом даже мыслей не было. Сын с невесткой стали изучать иврит, и брали с собой к учителю Розу. И вскоре Роза им уже подсказывала правильные ответы. Поселился сын с семьей в Ашдоде. Вторая наша внучка, Эстер, родилась уже в Израиле в 1993 году, она сабра, коренная израильтянка. Хорошие девочки, очень самостоятельные. Роза окончила гимназию, причем, за год она прошла программу двух классов. Она способная, умная. Роза уже отслужила в армии, теперь она студентка университета, учится и работает. А Эстер учится в гимназии. Все в семье сына идет хорошо, и надеюсь, так будет и в дальнейшем.

К созданию государства Израиль в 1948 году [53] я и моя семья отнеслись радостно. Я считаю, что это счастье для всех евреев, разбросанных по миру, что через тысячи лет наше государство было восстановлено. Когда начались массовые отъезды в Израиль в 1970х годах, мы помогали уезжающим всем, что было в наших силах, радовались их адаптации в обретенной стране. Тогда уехало немало наших родных и друзей. Уехала моя кузина Мирра со своей семьей. Тогда мы с женой не думали об эмиграции – я был кадровым военным, и после ухода в отставку я был бы невыездным еще 10 лет. А потом уже мы с женой задумались: если мы уедем, мы никогда больше не увидим нашу дочь, внуков. Тогда же было невозможно даже представить себе, что можно будет ездить в гости в Израиль, приглашать родных и друзей к себе. СССР был плотно окутан «железным занавесом». Так и остались. Сын с семьей ежегодно приезжает к нам, каждую неделю звонит, связи мы не теряем. И в Израиле мы с Мирьям побывали. В первый раз мы поехали в гости к сыну в 1994 году. Потом бывали там еще. И еще я был в Иерусалиме на Всемирном еврейском конгрессе. Израиль произвел на нас прекрасное впечатление. Я чувствовал себя среди своих. Конечно, там есть свои сложности, но они есть везде. Главное – чтобы эта маленькая цветущая страна жила в мире.

К перестройке [54], которую начал в СССР Михаил Горбачев [55], я отнесся в начале очень положительно. Я надеялся, что СССР действительно станет свободной, демократической страной. И в начале к этому шло. Но потом я понял, что потоки слов прикрывают полное бездействие. После короткого этапа перемен все пошло, как прежде. Во время путча, когда власть в стране захватил ГКЧП, я очень внимательно следил за событиями. В Таллинн

прибыла на танках из Пскова воздушно-десантная дивизия, город заняли советские войска. Только благодаря действиям нашего правительства обошлось без крови. Дивизия ехала из Пскова долго, а им выдали только сухой паек. Всех офицеров дивизии тут же пригласили в ресторан на телебашне, и велели подать им все, что есть в ресторане. Представитель правительства поехал на молочный комбинат, приказал выгрузить все запасы – йогурты, творожные сырки, сыры, и все это отвезли солдатам: ешьте, ребята, это вам от эстонского народа. А пока все это длилось, членов ГКЧП уже арестовали, и было объявлено о распаде СССР [Breakup of the USSR: Yeltsin in 1991 signed a deal with Russia's neighbours that formalized the break up of the Soviet Union. The USSR was replaced by the Commonwealth of Independent States (CIS)]. Когда офицеры Псковской дивизии узнали об этом, они поблагодарили эстонцев за гостеприимство, войска развернулись и уехали в Псков. Обошлось без кровопролития.

Я очень положительно отнесся к объявлению независимости Эстонии [56]. Я помнил жизнь в Эстонии до присоединения к СССР, и понимал, что здесь можно будет хорошо жить. И, слава Б-гу, надежды оправдались. Эстонцы очень аккуратные и точные люди, поэтому наш быт так быстро вошел в европейский лад. Жизнь изменилась очень быстро. Мы с женой были слишком стары для того, чтобы начать свой бизнес, а для молодых это хорошее время.

Еще при перестройке была создана еврейская община Эстонии, первая еврейская община, официально зарегистрированная на территории Советского Союза. И я считаю, что наша община играет очень большую роль в жизни евреев Эстонии. Я был 8 лет председателем ревизионной комиссии общины, много времени уделял этой работе. Вначале нам очень помогал Джойнт [57]. Все социальные вопросы решались Джойнтом. Община оказывает помощь одиноким, престарелым. Многие приходят обедать в общину, тем, кто не выходит из дома, обеды привозят домой. Патронажные работницы общины помогают с уборкой, стиркой, покупкой продуктов. Многим это дает возможность просто физически выжить. С тех пор, как Эстония стала членом Европейского Союза, Джойнт уменьшает финансирование: во-первых, у них денег стало меньше, и другое – Европейский Союз не положено финансировать американской благотворительной организации. К счастью, бывший эстонский еврей Кофкин, который теперь живет в Швейцарии, создал благотворительный фонд семьи Кофкин в Эстонии, и теперь этот фонд оказывает большую помощь нуждающимся. Большинство социальных программ теперь осуществляется за счет этого фонда. Благодаря Фонду Кофкина, каждый пенсионер на Песах получает 1 кг мацы бесплатно, и еще мы, пенсионеры, можем купить мацу с большой скидкой. Отмечают в общине все еврейские праздники, обязательно отмечают День победы. Мы считаем, что это праздник всех евреев Европы. В общине выходит газета «Хашахар», «Заря», которую мы с женой регулярно читаем. Общине вернули здание еврейской школы, еврейской гимназии, и теперь дети могут получить еврейское образование. Все это очень радует и вселяет надежды на будущее.